

этим фактом постоянно взвинчивают, освежают восприятие, но рождают новое качество.

Патетическое утверждение, направленное *экстенсивно*, в виде гимна, оды, крупно запечатленного лозунга, в своей человеческой сути намного усиливается внедрением рефлексии, очень часто, как уже сказано, такой ее разновидности, как автоирония. Утверждение (или, напротив, сатирическое ниспровержение), направленное вовне, восполняется *интенсивной* лирической разработкой. Происходит не умаление привычных гигантских масштабов воспеваемого или истребляемого предмета, а умерение гиперболического образа его подачи и, говоря распространенным ненаучным словом, «утепление».

Так, поэт обожает (точное слово) завод и фабрику, и высшая похвала себе: «я тоже фабрика...». Кажется — крикливо, необедительно, да и безвкусно. Но прибавлено: «а если без труб» — и сразу восприятие переводится, точнее, сбивается в другой план. Вместо отвлеченного силлогизма — зримый облик, хотя бы условный, схематический силуэт: вот фабрика, как на фабричном клейме, как картинка для детей. Наглядно, хотя еще и неясно, зачем это, при чем тут «трубы». Затем завершающая оговорка-восполнение: «то, может, мне без труб труднее...» (2, 18). Нелепица какая-то, но ведь она и не претендует сама по себе на логически грамотное подтверждение силлогизма! В синтаксически правильной схеме обоснования некоего постулата высказан абсурд; зато в целом шутка убеждает выраженной в ней серьезностью мысли о том, что положение поэта трудное, что в глубине его души живут и беспокоят нешуточные сомнения насчет своей «фабричной» рентабельности и ценности в пору революционных сражений.

Это еще в 1918 г. Однако и в набросках ко второму вступлению в поэму о пятилетке:

Я знаю силу слов... (10, 287) ?

где налицо прямая перекличка с главной мыслью послания «Во весь голос», та же тенденция. «Парадом развернутое» «грозное оружие» — «жерла» заглавий, «рифм отточенные пики» и т. п. — в этом случае. А в первом — «слов набат», олицетворение не столько громоподобной мощи, сколько тревоги, беды, всеобщей мобилизации. Кажется, мрачнее и неподвижнее гроба ничего нет; он и не представлен в радужных чертах. Но и гроб, «срываясь» «шагать», понимает себя мобилизованным наравне со всеми живыми на какое-то большое преобразующее действие. И вдруг тут же сразу эта «четверка» «дубовых ножек» — коротеньких, толстых и кривых, гробовых... «Шаганье» более неуклюжее, чем у гнома Альбериха-Нибелунга из вагнеровского «Золота Рейна». Любой, неизбежно возникший в сознании по ассоциации рисунок неуместно комичен (пусть трагикомичен, если угодно). Грандиозный программный образ «слов набата» не заслоняется этой картинкой, и условно-иронический образ передвигающегося гроба, которому, конечно, не угнаться за колонной призванных и ведомых широко вышагивающим поэтом («чтоб брюки трещали в шаг»), не звучит насмешливо. Буквальная, наполняющая слова усмешливость гасится, преобразуется, сообщая пафосу лирического внушения очеловеченно земной характер.

Оттого к так подготовленному и направленному восприятию, продолжая движение лирического сюжета, вовсе не неожиданно и не сбивая

⁷ Неясны мотивы, по которым из пяти отрывков, помещенных в разделе «Неоконченное», только один этот не отвесен редакцией академического полного собрания сочинений к материалам второго вступления в поэму. Предложенные обоснования атрибуции всех предыдущих вполне применимы и к нему.